

Георгий Ланской

Фортуна – дама капризная. Сегодня грязь – завтра князь, сегодня пан – завтра пропал.
Именно об этом романы талантливого писателя и журналиста Георгия Ланского.
Оторваться от чтения невозможно!

Ваш Олег Рой

ЗВЕЗДА ВТОРОГО ПЛАНА

Георгий Ланской
Звезда второго плана

«ЭКСМО»

2013

Ланской Г. А.

Звезда второго плана / Г. А. Ланской — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-67092-5

Марина приехала в Москву делать музыкальную карьеру. Пробыться в столице нелегко, но упрямая провинциалка не сдастся и готова зубами прогрызть себе путь к славе. Тем более что перед ее глазами пример бывшего приятеля Димы Белова, ныне победителя Евровидения, звезды первой величины. Марина всерьез считает, что небожителям придется потесниться. Есть ли предел тому, на что можно пойти ради достижения своей цели?..

ISBN 978-5-699-67092-5

© Ланской Г. А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Георгий Ланской

Звезда второго плана

Все события, описанные в этой книге, вымышлены. Любое сходство с реальными людьми случайно.

Часть 1

Вечер был влажный и какой-то противный. Впрочем, это не удивляло. Осень все-таки. Нестареющая певица все пела о том, что на дворе засентябрило, Марина слушала песню, ежилась и мрачно озиралась по сторонам. Когда уже можно будет войти внутрь?

В том, что на дворе «засентябрило», пока не было ничего ужасного. Ну, осень, да, и листочки уже кое-где тронулись желтым и красным дымом, а по вечерам от Москвы-реки веет уже не прохладой – холодом, сырым, пробирающим до костей. Но днем солнышко греет полетному, позволяя одеваться легко. Днем жизнь играет красками – уже размытыми дождями, но все еще яркими и живыми. И город – громадный, мощный, раздирающий небеса высотками и шпилями, живет, дыша полной грудью.

А дальше что?

Марина поглядела на закрытую дверь и обхватила руками худенькие плечи.

Рано.

Народ еще не вкусил всех прелестей вечера, охрана бдительно проверяет каждого приглашенного. О халяве нечего думать.

Как же курить хочется, блин...

Сигареты кончились утром, и купить было не на что. В сумочке – карточка на метро, немного косметики и нехитрый реквизит, служащий пропуском в рай. Возможно, прокатит, возможно, дадут от ворот поворот. От реки несло сыростью. Марина мельком взглянула на телефон.

Рано... Рано...

Стоять в тоненьком платице без рукавов, с юбочкой, едва прикрывавшей попку, было холодно, но выхода не было. Не тащиться же сюда в куртке, тогда точно все труды пойдут прахом...

Как же холодно!

Почему-то все модные вечеринки в Москве называли исключительно «пати». В приглашенных, валявшихся потом на подоконниках, столиках или полу, это самое «пати» обозначалось выполненным латиницей словом «party». Марина по своей дремучести даже читала его раньше как «парты». Это потом, обзаведясь светским московским лоском, она научилась небрежно бросать: «Были вечером в «Махаоне» – вообще тухляк...»

Самое интересное, что ей верили.

Правда, недолго. Девочки нынче пошли продвинутые, о модных тусовках узнавали быстро. Так что играть светскую львицу приходилось в основном перед случайно затесавшимися в компанию провинциалками, разевавшими рот в ГУМе, потому как другие, заматеревшие в борьбе за теплое место подруги, лишь многозначительно кивали, подхватывая: «Да, «Махаон» тухляк, надо было ехать в другое место...» О том, как попадали в эти модные места, старались не упоминать.

Двери клуба приоткрылись, выпустив стайку разновозрастных людей. Заведение было более-менее приличным, попасть туда без приглашения просто так не вышло бы. Марина переступила ногами, но с места не сдвинулась.

Рано...

Конечно, пригласительного у нее нет. Она давно наловчилась проникать в подобные заведения без него. А что делать, если в кармане сорок рублей, в холодильнике – пакет с окаменевшими специями и полпачки маргарина, а на последних выходных туфлях отламывается каблук. Заметит кто – позору не оберешься. В животе урчало еще с утра. Марина душила голод сигаретами, но и они кончились.

Народ на крыльчке курил, похохатывая и что-то оживленно обсуждая.

Из разговоров было понятно: отмечают не то юбилей, не то еще какое-то важное событие. Прячась от любопытных глаз, Марина зло стиснула зубы. В конце концов, чем она хуже их?! Тем, что угораздило родиться в глухой провинции, в семье простых бюджетников? Так это не ее вина. От злости в животе заурчало еще сильнее. Оценив хохочущих буржуев, Марина подумала: рано... Мало выпито, они еще не окончательно окосели, чтобы принять девчонку в платьишке с ближайшего рынка за свою.

Народ шел мимо, обтекая ее со всех сторон. Некоторые поглядывали с легким удивлением: не глупость ли стоять в таком платье на ветру, но интерес угасал так же быстро. У каждого полно собственных забот. Мало ли чего она тут стоит уже битый час? Может, клиента ждет, вон как размалевана...

Фонари горели жирным светом, напоминавшим тот самый заветренный кусок маргарина в холодильнике. От него было неуютно глазам. Марина отвернулась от ярких вспышек неоновых реклам. Чтобы отвлечься, Марина стала вспоминать.

Последние два года в Москве единственным более-менее благополучным оказался период, когда они снимали квартиру вместе с Димкой. Студентик музыкального училища некоторое время делил с ней нехитрый быт, подрабатывая то тут, то там. Сложенные вместе гроши позволяли и за квартиру платить, питаться и даже одеваться.

Бегать на пробы, конкурсы и прослушивания вместе тоже было веселее. Правда, их одинаково никуда не брали. Сколько в Москве таких, талантливых, настырных, из забытых богом мест! Марина видела их на прослушиваниях: голодных, амбициозных, одержимых желанием зацепиться за Москву хоть одним коготком.

Димке повезло.

Марина потеряла голые руки, со злостью вспомнив о бывшем соседе по комнате. Дима познакомился с сыном олигарха, а тот в свою очередь свел его с влиятельным продюсером, который мог сделать звезду из кого угодно.

Димка стал звездой через год.

Думать о нем Марине стало неприятно.

В голову лезли мрачные мысли: сапог на слякотную московскую осень у нее нет, и, наверное, придется просить родителей выслать денег; за комнатушку не заплачено уже два месяца, и со дня на день ее выгонят вон. А память ехидно подсунула картинку из телевизора: Димка на новой машине, донельзя пафосный, разглагольствовал о судьбах молодых исполнителей отечественной эстрады...

Это было уже чересчур!

Вечером почти на последние деньги она купила пару пакетов лапши быстрого приготовления, по привычке называемой «китайской», хотя производили ее в родном отечестве. Одну решила оставить на утро, вторую залила кипятком сразу. От острого духа псевдомясного бульона она едва не зарычала от голода. У Марины не хватило выдержки приберечь вторую порцию. Недолго думая, она съела все, утешая себя мыслью, что утром просто попьет чайку. Ночью, лежа на продавленном диване, она вспомнила, что чая тоже нет.

Гадство...

Над Москвой чернело небо. Где-то в его глубине мерцали звезды – настоящие, продюсировать их никому еще не пришло в голову! Немилосердный ветер дул в спину. Марина мельком подумала, что завтра наверняка сляжет с температурой.

Двери клуба снова открылись. На крыльцо высыпала новая стайка людей. Больше ждать Марина просто не могла. Она осторожно двинулась к ним, открыв по пути сумочку. Реквизит ждал.

Кажется, сегодня вечером она поест вволю.

Метод проникновения на подобные банкеты был давно отработан. Разумеется, для этой цели подходили отнюдь не все заведения и далеко не каждое мероприятие. Оптимальными были свадьбы, дни рождения, реже – корпоративные вечеринки, где все всех знали. Однажды Марина сытно пообедала на похоронах. Правда, несмотря на приятную тяжесть в животе, она долго чувствовала себя неловко, словно обокрала покойника.

Пользоваться халявой ее в свое время научил Димка, вечно голодный, тощий и нервный...

Для подобных вылазок подходили места, где охрана отсутствовала в принципе или же ловила ворон. И уж совсем не подходили те, где бдительные церберы не только пристально наблюдали за входом, так еще и на руку входящим ставили особый знак, видимый в ультрафиолете. Правда, подобные методы применялись чаще на дискотеках и в ночных клубах, а уж там поживиться чем-то, кроме чипсов и спиртного, нечего было и думать.

Марина вытащила из сумки заранее припасенный бокал и пакетик с яблочным соком, быстро перелила содержимое в бокал, вынула телефон и стала медленно продвигаться к лестнице, делая вид, что кому-то звонит.

Народу на крыльце было немного. То ли большинство предпочитало курить в кондиционированном пространстве, то ли в данный момент здесь собрались исключительно проповедники здорового образа жизни, но затесаться в толпу было трудновато. На ступеньках стояли мужчины в расстегнутых пиджаках, с ослабленными узлами галстуков, свободно лежащих на объемистых животиках. За маневрами Марины они наблюдали без особого интереса. Марина сделала вид, что набирает номер, краем глаза наблюдая за подвыпившими гостями.

– Привет, – сказала она в мертво молчащую трубку. – Да, я все еще здесь. Да... Нет, что ты, все еще в самом разгаре! Давай быстрее, я замучилась ждать...

В трубке царил тишина.

Никто и не думал отвечать. Марина со скучающим видом потыкала по кнопкам, включив в телефоне будильник, и небрежно сунула в сумку. Потягивая сок, она нарочито медленно пошла к дверям, как подобает подлинной леди: потупив взор, с вежливой улыбкой. Двери снова открылись, выпустив трех девушек в нарядных платьях. Телефон в сумочке истошно заверещал. Марина остановилась, достала мобильный и нажала кнопку, повернувшись вполборота:

– Да... ой, привет! Ну, ты где? Да ты что... Нет, я сегодня, как лохушка, на папином «мерине». Да, с тех самых пор, как кокнула свою «Бентли»... Папик сказал, что больше не будет покупать мне такие машины, но куда он денется?! Нет, не видела, я из салона сразу сюда...

Марина хохотнула, тряхнула волосами и продолжила монолог, старательно изображая московский акцент, чтобы больше походить на коренную жительницу столицы. На короткий миг в голове промелькнуло: никто не поверит, что с такой гривой она только что из салона красоты. А потом откуда-то из кухонного окна ударила целая струя волнующих запахов...

«Мясо, – с тоской подумала Марина. – И картошечка... Господи, вкусотища какая...»

Девушки на крыльце курили, щебеча, как заморские тропические птички, переливаясь в великолепии фирменных прикидов. От платьев за версту несло большими деньгами. Собственный наряд мгновенно показался Марине линиялой дешевкой.

«Наверняка платяшки их хахали купили, – зло подумала она. – Я бы тоже могла так выглядеть, если бы подцепила нефтяного магната».

Злость, подогреваемая голодом, внезапно охватила ее до кончиков продрогших пальцев.

В конце концов, чем они лучше ее?!

Красивее? Да насколько! Да, более ухоженные, как ленивые персидские кошки, чья миссия – украшать диванные подушки. Талантливее? Вряд ли. Она – певица, и даже несколько раз выступала в ночных клубах с собственным репертуаром. Вряд ли эти кошелки смогут вытянуть хотя бы пару нот...

Девушки все болтали, держа в наманикюренных пальчиках тонкие сигаретки. Марина почувствовала, что окончательно замерзла, и вцепилась в бокал с соком. Вспомнилось, как они с Димкой только-только въехали в ту страшную комнату на окраине Москвы и решили отметить это дело. Посуды не хватало, еды тоже. Находчивая Марина разрешила огурец пополам, вырезала середину, сделав из половинок своеобразные стаканчики. В них наливали водку, ими же и закусывали. Димка плевался: ему досталась огуречная попка, горьковатая даже под водку...

Тогда тоже была осень. В комнатухе немилосердно дуло из окон. Водка согревала и приятно пахла огурцом. Вот бы сейчас сюда такой стаканчик...

Девушки докурили, синхронно побросали бычки мимо урны и гуськом двинулись к дверям. Вот он, удачный момент! Охранники наверняка не помнят, сколько их вышло, три или четыре. Марина прижала телефон к уху и двинулась следом, продолжая бубнить что-то про «Гуччи», «Прадо» и «Ламборджини Дьябло», поскольку, по ее глубокому убеждению, подобные дамочки ни о чем другом и не говорят. Дверь услужливо открылась перед ней. Волна чужих ароматов иного мира ударила в нос: дорогие духи, аромат кухни, резкий химический запах тяжелого дыма, на фоне которого так эффектно смотрелась подсветка прожекторов, а также запах пота десятков человеческих тел, извивающихся на танцполе.

– Девушка, а вы куда? – раздалось над ухом. Цепкие пальчики вцепились в ее локоть. Марина обернулась.

Рядом стояла девица – одна из трех, куривших на крылечке. Вспышки прожекторов освещали ее вытянутую физиономию, показавшуюся знакомой. Девица мотнула блондинистой гривой – и Марина узнала ее. Перед ней, с недобрый прищуром, топталась на месте светская львица Акси́нья Гайчук, широко известная своим гадким характером и острым языком. Марина надменно повела бровью (долгие тренировки перед зеркалом не прошли даром, и сейчас это движение получалось вполне естественным) и попыталась вырвать локоть, но Гайчук держала крепко.

– Так куда это вы направились, милочка? – ядовито поинтересовалась Акси́нья. – Это мероприятие для узкого круга. Вы что, входите в него?

– А по-вашему, что я тут делаю? – надменно поинтересовалась Марина. – Естественно, меня пригласили.

– Да неужели? – сощурилась Гайчук, и ее взгляд-рентген прошелся по наряду Марины сверху вниз и обратно. Марина почувствовала, как зарделись ее щеки. Да, от этой стервы не ускользнет ни надломанный каблук, ни дешевенькие серебряные украшения неизвестных уральских мастеров.

– И что же мы тут, по-вашему, отмечаем? – ласково поинтересовалась Акси́нья. В ее маленьких крокодильих глазках светилось нутро хищника, не желавшего отпустить попавшуюся антилопу.

Марина молчала. А что она должна была сказать? Кто заказывал в заведении музыку, она не знала.

Вместо этого она оглядела фойе.

Помещение было шикарным. Марина не так часто посещала подобные места, но понять было нетрудно – это заведение явно принадлежало к высшему классу. Пол, выложенный черно-белым мрамором с затейливым зеброидным узором, высоченные зеркала без единого пятнышка, хромированный металл, стекло, шикарная люстра, напоминавшая космический объект, – все говорило о немалых деньгах, вложенных в ресторан. В лакированных башмаках охранника отражались веселые огоньки фонарей.

– Так что, дорогая, будем говорить? – издевалась Аксинья.

– Понимаете, я пришла сюда с другом. Приглашали его, а не меня, – промямлила Марина, понимая, как беспомощно звучит ее голос.

– И как же зовут друга?

Марина порылась в памяти и выудила первое пришедшее на ум имя:

– Егор Черский.

Аксинья вытаращила глаза, а потом расхохоталась. Выудив из микроскопических размеров сумочки телефон, она набрала номер.

Марина поняла: ей конец.

– Черский, привет. Ты сейчас где?

До Марины донеслось отчетливое «бу-бу-бу». Аксинья искоса посмотрела на нее и зло ухмыльнулась:

– Ну, и как там тебе работается, в Петербурге? Ты же там не один наверняка?

Трубку снова забубнила.

Марина лихорадочно соображала: сбежать или попробовать прорваться в зал, а там затеряться в толпе. Не будет же Гайчук носиться за ней по всему ресторану? Она сделала шаг в манящую темноту, но Аксинья резко дернула ее назад.

– Ну, пока, – пролаяла она в трубку. – Ты уж там оторвись на моей исторической родине по полной программе!

Затолкав телефон обратно в сумочку, Аксинья посмотрела на Марину с презрением добермана, завидевшего подошедшую к его миске дворнягу.

– Да, милая, неувязочка у вас вышла, – с вежливым сожалением сказала она. – Черский-то в Питере. К тому же не один. Вы уверены, что пришли на праздник с ним? Позвоните ему на сотовый.

Аксинья даже руку протянула, чтобы взять у Марины телефон, но та спрятала телефон за спину.

– Послушай, – сказала она, – чего ты ко мне привязалась? С тебя что, убудет, если я пройду?

– Чего привязалась? – задумчиво повторила Аксинья, а потом улыбнулась, продемонстрировав хищный оскал. – А мне скучно! Не на ком сорваться. Клочкова, увы, не пришла, вот и мучаюсь. Ты, конечно, не великая плясунья всяя Руси, но на безрыбье сойдешь. Так что? Будем Егору звонить?

В конце концов, что она себе позволяет!

Пробный шар в виде мирной беседы пролетел мимо. Может, устроить скандал? Марина резко вырвала руку.

– Да в конце концов! – вскричала она, привлекая всеобщее внимание. – По какому праву вы тут меня расспрашиваете? Если у вас папочка большой начальник, это... Это еще ничего не значит! Да у меня самой папаша не мельче...

На них уже оглядывались любопытные, торопливо шел охранник с угрюмым лицом и плечевыми плечами. Гайчук смотрела и усмехалась, только крокодилы глазки поблескивали недобро.

– Аксинья Александровна, какие-то проблемы? – спросил охранник, бросив оценивающий взгляд на Марину. Ей показалось, что этот громадный мужик тоже прекрасно разбирается в «Гуччи» и «Прада», и потому никаких шансов пройти на банкет нет.

– Никаких проблем, – весело ответила Аксинья. – Девушка просто пришла не на тот банкет и уже уходит. Ведь правда, девушка?

Марине ничего другого не оставалось.

Вздернув подбородок, она развернулась и вышла в ночь.

Метро еще работало, а вот маршрутки уже не ходили. Проторчав на ветру почти час, Марина прошла пять остановок пешком. Каблук на туфле угрожающе подворачивался. Обхватив плечи руками, она шла, обходя прохожих, слишком несчастная, слишком голодная и раздавленная, чтобы обращать на кого-то внимание.

И что теперь?

Домой, в Челябинск?

Вытерпеть мамино: «Я же тебе говорила!», отцовское неодобрительное молчание и шушуканье подружек, с которыми переписывалась в социальных сетях?

А потом что?

Унылая работенка за прилавком или на рынке. Если повезет, можно попытаться устроиться методистом в детский сад или интернат. Блистательная карьера, ничего не скажешь...

Полный крах.

Устроиться на работу здесь? За два года острой необходимости не возникало почти никогда. Рано или поздно находился человек, который брал на себя расходы. Но в последнее время количество желающих резко сократилось.

Просто закон подлости какой-то! Именно в тот момент, когда ей так необходима помощь, все поклонники куда-то делись, а у подруг нашлись срочные дела. Чего уж говорить про Димку, сбежавшего под теплое продюсерское крыло, оставив ее расхлебывать все беды в одиночку!

Марина вспомнила о таких же, как она, одержимых желанием блистать на сцене. Пока она будет мыть где-нибудь полы, продавать зелень и варить кофе пузатому начальнику, тепленькое место займут другие. На то, чтобы бегать по кастингам, необходимо время. Если устроиться на работу с полным рабочим днем, о кастингах придется забыть.

Уж лучше так...

Марина вспомнила Аксинью, преградившую ей хилой грудью дорогу к сытному ужину, и волна злости захлестнула с головы до пят, на мгновение согрев кровь.

Чем эта выскочка лучше?! В детстве, глядя на упакованных подружек, Марина по глупости требовала у родителей фирменного шмотья, устраивала истерики. Только все без толку: денег у Михайловых не было. Да и откуда им взяться у учительницы начальных классов и водителя «Скорой помощи»? Все, что получала Марина – нравоучения на завтрак, обед и ужин.

– Вот закончишь школу, поступишь в институт, – говорила мама. – Выучишься, станешь врачом. Отличная профессия. Нужная. Да, Максим?

– Угу, – соглашался папа, тыкая вилкой в макароны. Уткнувшись в газету, он не следил за беседой, апатично соглашаясь с каждым высказыванием супруги.

– Станешь молодым специалистом. От больницы квартиру дадут. Бюджетникам часто дают. Там, глядишь, замуж выйдешь. Внуков нам родишь. Да, Максим?

– Угу, – покорно кивал муж, замордованный двумя ночными сменами подряд. Давать советы дочери у него не было ни малейшего желания. Чего ему хотелось сейчас, так это горячего чаю, завалиться на диван под мерное бормотание телевизора и чтобы никто больше не зудел над ухом.

Супруга же с маниакальным упорством день и ночь вдалбливала в неподатливую голову дочери, что надо жить «как все»...

Жить как все Марина не желала.

Не будучи особенно умной от природы, она тем не менее инстинктивно чуяла фальшь материнских нотаций. Раннее детство Марины пришлось на развал Советского Союза, так что великую империю она помнила плохо. А вот очереди в продуктовый, отключение электричества и даже голод отчетливо впились в ее память. Родителям по три месяца задерживали зарплату, и если бы не невеликая бабушкина пенсия, жить Михайловым было бы не на что.

– Да откуда я возьму деньги? – орала мать на просьбу Марины купить ей новую юбку. – Никто зарплату не получает!

То, что зарплату не получали далеко не все, Марина знала прекрасно, облизываясь на новые кофточка дочек предпринимателей. Но родители не замечали ни того, что дочь одета хуже всех в классе, ни ее постоянных истерик. До нее ли было, когда вокруг агонизировал крупный город, врачи и учителя в массовом порядке сбегали на рынок торговать двусторонними китайскими пуховиками – последним пискком моды. В маленькой гостинной Михайловых отставали обои. Мебель ветшала, а на завтрак частенько подавали лапшу быстрого приготовления. Марине часто казалось, что острый запах специй въелся в стены дома, одежду и даже кожу. Спустя много лет запах этой еды напоминал Марине о безысходности и отчаянии, которые она испытывала в юности...

Постепенно жизнь выправилась.

К выпускному классу Марина уже твердо решила, что уедет в Москву и станет певицей. Чем она хуже других? К тому времени она уже научилась сносно играть на гитаре, сочиняла музыку и даже спела прощальную песню на школьном балу. Москва представлялась раем.

Мать, естественно, взвилась на дыбы. Отпустить единственную дочь в столицу порока и разврата?! Нет, нет, этого не будет!

– Опомнись! – кричала мать. – Какое музыкальное училище, ты что? Что это за профессия – музыкант? Максим, ты это слышишь?

– Угу, – бурчал отец из-под газеты с такой равнодушной интонацией, что Марине, сидевшей на табуретке в обнимку с гитарой, захотелось надеть ее отцу на голову. Хоть бы раз поддержал дочь!

– И что ты там будешь делать? В переходах стоять со своей гитаркой? Подайте, люди добрые?

– Да почему в переходах-то? – возмущалась Марина. – Буду нормально учиться, вокалу там, музыке... На кастинги схожу...

– Не выдумывай! – вскипела мать. – Знаем мы, что на этих кастингах делают.

– Что?

– Проституток! Вон их сколько в телевизоре! Не думай даже о Москве. Пока мы с отцом тебя кормим, будешь делать, что тебе говорят! Пойдешь в медучилище, как миленькая, получишь профессию, а потом живи, как хочешь...

Марина сдалась.

Авторитарная мать, привыкшая «давить характером» учеников, добила своего. Отец, как всегда, промолчал. Смотреть на мир сквозь газетные страницы после рабочего дня было куда более привлекательно, чем вникать в житейские трудности...

Марина поступила – правда, в педагогическое, поскольку в медицинское попасть было почти нереально. Мама похвалила за выбор:

– Учителя всегда нужны. Они часто в дефиците, особенно хорошие. Вот, к примеру, у нас в школе четыре ставки свободны. Закончишь училище, я замолвлю за тебя словечко...

Марина вяло кивала, думая, что дефицит педагогов прежде всего связан с тем, что ни один нормальный человек такую профессию не выберет. Себя Марина причисляла к нормальным. Поэтому на втором курсе она перекрасила волосы в рыжий цвет, бросила училище и, не поставив родителей в известность, уехала в Москву – благо вожаемое совершеннолетие уже

наступило. Трясаясь в плацкартном вагоне, на проклятом всеми пассажирами тридцать седьмом месте у туалета, Марина смотрела в окно и думала, что рано или поздно докажет всем, а прежде всего матери, что была создана совсем для другой жизни!..

Через два года она думала по-другому.

Топая по холодным московским улочкам, Марина мрачно вспоминала, что ей не один раз приходилось делить постель с потными, волосатыми кавказцами, обещавшими замолвить за нее словечко в шоу-бизнесе.

– Будешь хорошей девочкой? – говорил очередной Резо или Арарат. Она кивала и закрывала глаза...

Итогом этих встреч были редкие, как правило, одноразовые выступления в кабаках, немного денег, мелкие подарки и горькое понимание, что мать оказалась права. Сознать, что меняется не в лучшую сторону, Марине было неприятно. Два года постоянной борьбы сделали ее жесткой. Москва выжгла каленым железом все, что было в ней от простой девочки с Урала.

От холода зубы выбивали барабанную дробь. Дойдя до квартиры, Марина набрала горячую ванну, вылила туда остатки дешевого шампуня и села на бортик, уставившись невидящим взглядом на вздымающуюся кверху мыльную пену.

В дверь звонили с маниакальной настойчивостью.

Горячая ванна накануне не слишком помогла. Промерзшая до костей Марина еще вечером почувствовала, как в переносице накапливается жгучая горечь, предвещавшая простуду. К ночи ей совсем поплохело: поднялась температура, но насколько она была высокой, Марина не знала, так как градусника в ее хозяйстве не водилось. Не имелось в квартире и жаропонижающих средств. Обшарив все ящики, она нашла несколько завалившихся в угол старых таблеток без упаковки грязно-серого цвета, но принять их не решилась. Прометавшись полночи в жару, Марина забылась лишь под утро тяжелым беспокойным сном.

Незванный гость все давил на кнопку звонка и, судя по всему, уходит не собиравшись. Марина с оханьем села, провела ладонью по волосам и ощутила, что они влажные от пота. Простыни тоже были мокрыми насквозь. Тело изматывала неприятная ломота, в горле царапало. Стены квартиры словно сузились, а простенькие желтые обои с красными цветочками потемнели – как от времени или сырости... В комнатухе было прохладно и невероятно душно.

Когда Марина опустила ноги на пол, не сразу попав в драные тапочки, подошвы обожгло сырым холодом.

– Иду! – крикнула она. Поджимая пальцы, она подошла к двери и повернула ключ, запоздало подумав, что совершает самую большую ошибку этого дня.

– Здравствуй, – неприязненно сказала темная фигура.

В подъезде было темно, Марина не сразу сообразила, кто стоит перед ней, пока фигура бесцеремонно не отстранила ее в сторону, ввинтившись в прихожую ужом. Внутренне простонав, Марина приготовилась к худшему. Ввалившаяся в квартиру тетка нахально прошлась по углам, заглянула на балкон, с гримасой неодобрения оглядела грязные чашки в мойке и с омерзением – разобранный диван со смятыми простынями сомнительной свежести.

– Ну, что же ты, дорогая, – мармеладным голосом произнесла тетка, – конец месяца, а ты не звонишь, не пишешь. Денежки приготовила?

Марина вздохнула.

Прежде она снимала другую квартиру, на пару с Димкой, в новом доме. Арендную плату в основном он и вносил, а Марина покупала еду, хотя частенько кормиться приходилось где придется. Этажом выше жил Егор Черский, нынешняя звезда экрана, у которого частенько можно было стрельнуть чаю, сахару и деньжат. Но потом оба съехали, оплачивать шикарные апартаменты в одиночку Марина не могла и подыскала квартирку поменьше.

Хозяйка этой квартиры не понравилась ей сразу.

Во-первых – сладеньким голосом, в котором плескалось нескрываемое презрение ко всем «немосквичам». Говорила она тихо, вкрадчиво, растягивая гласные. Марина где-то слышала, что коренные жители столицы букву «а» как раз-таки не тянут, так что, скорее всего, хозяйка приобрела этот выговор в детстве, переехав сюда откуда-нибудь из-под Вологодчины.

Во-вторых, квартиросдатчица очень походила на мать: такого же роста, комплекции, и даже стрижка та же: несурзное каре с плохим мелированием и вечно торчащей кверху прядью на макушке.

В-третьих, что самое неприятное, хозяйка жила в этом же доме и могла заявиться за деньгами в любой момент.

Квартира была ужасная. Стандартная хрущевка на четвертом этаже, без лифта, с крохотной ванной и такой же кухней, на которой и одному-то тесно. На пятом, прямо над головой, жила семья с двумя детьми, которые начинали с визгом носиться друг за другом с самого утра. Для Марины, возвращавшейся не раньше трех ночи, это было смерти подобно. Она даже пыталась поговорить с соседями, но те лишь пожимали плечами.

– На нянюку у нас нет денег, в садик не пристроишь, – доходчиво объяснила соседка. – И потом, они раньше девяти не встают. Чем вы еще недовольны? Имеем право...

С утра кто-то из соседей во дворе начинал ковыряться в своей машине и врубал на всю катушку шансон. В самой квартире все повергало в уныние: старые обои, колченогая мебель, диван, на котором спало, наверное, сто человек, шкафчик на кухне, у которого не закрывались дверцы. От дивана пахло тухлой кислятиной, на кухне несло жареной рыбой. Чад проникал из вентиляции. В последнее время вечно голодная Марина боялась выходить туда и дышать, чтобы не вызвать желудочный спазм...

Зато цена соответствовала качеству.

Хозяйка, регулярно взимавшая плату, не позволяла забыть о себе. Вот и сейчас она высилась над сторбившейся Мариной, как Эверест.

– Понимаете... – начала Марина, придав голосу плаксивые интонации.

– Ну? – ласково спросила хозяйка.

В голосе, под толстым слоем мармелада, скрывались острые крючки колючей проволоки. Марина подумала, что сходство этой тетки с ее матерью все-таки весьма поверхностное. У матери были добрые глаза, усталые, с сетью морщинок, но все-таки добрые. Хозяйка же смотрела холодно, а от приторной улыбки тошнило. Марине показалось, что ей улыбается крыса.

– Понимаете... – тупо повторила она, не зная, что еще сказать. Чувствовала она себя прескверно. Колени тряслись, на лбу выступили крупные капли пота.

– Марина, – строго сказала хозяйка, – мы договаривались, что ты будешь платить регулярно. Вместо этого мне приходится бегать за тобой уже вторую неделю. Ты должна мне за два месяца. Каждый раз, когда я прихожу, выслушиваю сказочки о том, что ты вот-вот рассчитаешься. Ты помнишь, что я тебе сказала в прошлый раз?

Марина не прореагировала, разглядывая тапочки.

– Я тебе сказала: не рассчитаешься к двадцатому числу – выгоню, – ласково напомнила хозяйка. – Сегодня двадцать первое. Я приходила вчера, но тебя не было дома. Ты приготовила деньги?

«Выгонит», – с тоской подумала Марина.

– Понимаете, – сказала она обреченно, – я тут немного приболела, потому и не работала. Но на следующей неделе...

– То есть, денег нет? – елеино уточнила хозяйка. В ее глазах вспыхнула злость.

– Я все отдам на следующей неделе, – повторила Марина.

Хозяйка криво усмехнулась:

– Я тебя предупреждала? Предупреждала. На эту квартиру полным-полно желающих. Извини, но я твоим сказкам не верю. Значит, так: квартиру я сдаю другим людям. А ты можешь идти на все четыре стороны.

– Вы что, выставите меня, больную, на улицу?

– Ой, смотрите, больная... Пить меньше надо. А работать больше! Тогда и здоровья прибавится, и денег.

В елеинном голосе послышались издевательские ноты. Марина почувствовала волну закипающего раздражения и даже открыла рот, чтобы достойно ответить: мол, никакая она не тунелюдка, а самая настоящая певица, просто у нее черная полоса, но хозяйка с таким интересом смотрела ей прямо в рот, что Марина стушевалась. А что еще можно сказать?

– Ладно, – глухо сказала она. – Я уйду. Соберу вещи и уйду. Подождите пару часов.

– Нет, дорогая, – решительно сказала хозяйка. – Вещи твои я сама соберу. Придешь за ними, когда сможешь заплатить.

– Вы что, с ума сошли?

– А ты спорить будешь? Знаю я таких, как ты. С вас ни гроша не выжмешь, если не прижать хорошенько. Понаехали тут...

Последнюю фразу хозяйка процедила сквозь зубы.

Это стало последней каплей.

Марина торопливо оделась, схватила сумочку и, сдернув с крючка куртку, вышла за дверь. Во дворе она обернулась. Хозяйка, почти неразличимая за невымытым стеклом, смотрела бывшей жиличке в след.

Марина оттопырила средний палец и продемонстрировала ей.

Лена грохнула чайником о плиту и с умеренной ненавистью произнесла:

– Вот сука!

Марина вяло кивнула: сука, конечно, и обхватила ладонями горячую чашку, пахнущую малиной.

Какое это было блаженство, сидеть в тепле и пить горячий чай!

Добиралась до подруги она тяжело. На маршрутку денег не осталось, топтать до метро пешком не хотелось. Пришлось ехать зайцем на автобусах, выскакивая перед носом у кондуктора. Один раз пожилая тетка с дермантиновой сумкой наперевес успела ухватить ее за локоть. Пришлось разыгрывать сцену с забытым дома кошельком.

Кошелек как миленький лежал на своем месте, вот только денег в нем не было. Такая вот неприятность...

Ленка, подруга по халявным тусовкам и кастингам, жила аж в Бирюлево, квартируя у своей полоумной тетушки. Насколько тетка была не в себе, Марина не знала, да и вообще не была уверена, что с ней что-то не так. Однако Ленка упорно называла ее тронутой, а Марина и не возражала. Тетка работала где-то на заводе, на должности мастера цеха, что уже, по мнению подруг, делало ее «чокнутой». К тому же она была старой девой, смотревшей на мир сквозь призму соцреализма.

– Это ж надо, больного человека на улицу выгнать, – сокрушалась Ленка. – Неужели трудно было подождать пару дней?

– Угу, – буркнула Марина, попивая горячий чай. В теле разливалась дурная, жаркая слабость. Завалиться бы сейчас спать...

Квартира была крохотной, отделанной без всякого изыска. Марина вспомнила апартаменты Черского: однокомнатная квартирка-студия, но сколько лоска он сумел привнести в интерьер! Сразу видно, что у человека есть вкус... И деньги.

Ленкина тетка в последний раз вкладывалась в обстановку лет двадцать назад, когда Марина едва под стол пешком ходила. На полу старенький линолеум, заботливо подклеенный

скотчем, на стенах простецкие обои, на окнах – тюль с пошлыми цветочками, такого в продаже уже сто лет как нет. Единственное новшество – старые деревянные рамы заменили на стеклопакеты, да на подоконники понатыкали горшков с модными цветами из дорогих магазинов. Тетка Лены была знатным цветоводом, цветы в ее доме разрастались, как в джунглях! У родителей Марины, насколько она помнила, подоконники были заняты «правильными» растениями: геранью, каланхоэ и аспарагусом.

В гостиной, выполнявшей еще и функцию спальни, тоже изысками не пахло. Диванчик с дутыми подлокотниками и высокой спинкой, такое же креслице, полированная чешская стенка и журнальный столик. На балконе – склад банок, старой мебели – «авось пригодится», одинокая лыжа и раскладушка, на которой ночью спала Ленка.

Лыжа Марину умиляла. Насколько ей было известно, тетка Лены на лыжах стояла в последний раз лет тридцать назад, в институте. Почему она не выбросила ее до сих пор, оставалось загадкой.

– Что теперь? – спросила Ленка.

Марина поболтала чашкой и вяло пожала плечами:

– Не знаю. Мне бы перекантоваться где-нибудь несколько дней...

– У меня нельзя, – быстро ответила подруга. – Тетка со свету сживет. Она меня-то еле терпит. Не велела сюда даже в гости никого приглашать. Совсем из ума выжила, курва старая. Я вот, не поверишь, каждый день мечтаю, чтобы она ласты склеила.

– По-моему, она нас всех переживет, – мрачно усмехнулась Марина, мельком подумав, что смерть Ленкиной тетки одним махом решила бы все проблемы. Бывает же такое: шел человек, и тут – бац, кирпич на голову! Или машина из-за угла. Или неизвестный гопник с финкой... И все – нет проблемы, ты свободен, как ветер!

Судя по сокрушенному Ленкиному вздоху, она думала о чем-то похожем. Отобрав у Марины пустую чашку, она налила еще чаю, придвинула вазочку с печеньем и, открыв одну створку настежь, закурила, осторожно выпуская дым в окно.

– То-то и оно, что ей давно уже на кладбище прогулы ставят, а она все живет и никак коньки не отбросит, – меланхолично констатировала она. – Вот зачем ей жить? Ей скоро пятьдесят, детей не нажила, богатства тоже, мужика – и того нет. Чуть ли не каждый вечер скрипит: «Учись, Леночка, человеком станешь!» А что толку в этом учении, если бабло можно зарабатывать и без института?..

Лена замолчала и осторожно выдохнула сизый дым в открытую створку.

Если тетка учует запах – визгу не оберешься!

К тому же, расчувствовавшись, она, кажется, свернула разговор в опасную колею. Неудобные вопросы, признания и объяснения, только этого не хватало! Лена покосилась на Марину, но та, отупевшая от температуры и горячего чая, кажется, ни на что не обратила внимания...

И слава богу! Не хватало еще перед ней отчитываться, где и как Леночка зарабатывает деньги.

Она затянулась в последний раз и выкинула окурочек вниз. На миг перед глазами промелькнула привычная работа, к которой она сперва относилась с ужасом и известной долей омерзения, потом более-менее привычно, а потом уж и вовсе с изрядной долей юмора. Вот только знать об этом никому не следовало.

– Вещи жалко, – глухо сказала Марина. – Все там осталось.

– Так уж и все? – прищурилась Лена. – Семейное серебро, бабушкины цапки, меха и акции «Газпрома»?

– Нет, – не поняла юмора отупевшая от болезни Марина. – Платья, кофточки...

– Юбочки, – подсказала Лена.

– Юбочки, – автоматически подхватила Марина. – Вообще все...

– Ну и плевать. Новые купишь. Паспорт-то забрала?
– Да.
– А минусовки?
– Они всегда со мной. Я без них никуда.
– Гитара?
– У Лешки оставила в прошлый раз. Неохота было тащить ее через всю Москву.
– Так из-за чего тебе переживать? Документы с собой, денег там не было, а подержанное тряпье того не стоит. Надо легко расставаться с вещами.

– Хорошо тебе, – угрюмо сказала Марина. – Ты в тепле и сухости живешь, про завтрашний день не думаешь. А я вот думаю. Ночевать-то мне негде. Не на вокзал же идти, к бомжам под бок.

– На вокзал без билета сейчас не пускают, – хихикнула Ленка. – Билет надо купить.

– Смешно тебе...

– Да ничего не смешно... Придумаешь что-нибудь. Знакомых-то до черта, кто-нибудь пустит пожить на пару дней.

Марина промолчала.

До черта знакомых...

Все они такие же, как Ленка! Только языком горазды тренькать, а как до дела доходит, дружно прячутся в кусты. Вот почему Ленка сказала, что ее тетка так нетерпима к гостям? Может, она и не станет возражать, если Марина переночует тут, прямо на ковре, купленном еще в счастливом социализме, багрово-коричневом, с невнятным рисунком? Не привыкать спать в самых разных местах, в конце концов...

Но Ленка не оставит ее у себя, это совершенно точно. Хорошо, если денег подкинет.

– Ладно, – апатично махнула рукой Марина. – Что-нибудь все равно подвернется. Надо клубы обзвонить, может, куда позовут. Минусовки есть, платье одолжу. Может, где подзаработать можно?

– Пойду погляжу, – кивнула Ленка и удалилась в гостиную-спальню, где на крохотном столике мяукал попсовые хиты ноутбук.

Ленке приходила какая-то рассылка, и они вместе с Мариной частенько бегали на разные съемки в качестве массовки. Платили не очень хорошо, но проникновение в мир закулисья стоило дорого. Марина все мечтала, что произойдет та самая счастливая случайность, когда режиссер выдернет ее из толпы повелительным взмахом руки, а дальше все пойдет как по маслу. Правда, до сего момента ничего подобного не происходило. На массовку внимания не обращали, сгоняя как стадо к разным углам стойла, отдавая команды вроде: «Смеяться!», «Хлопать!», «Ужасаться!», беззастенчиво выдерживая с первых рядов одетых в белое и полосатое.

Марина сгребла из вазочки печенье и сыпала его в карман. На улице вечерело, и скоро Лена попросит ее уйти, чтобы успеть замести следы до прихода тетки.

– На завтра ничего, – крикнула Лена. – И на послезавтра тоже. А потом подряд два кастинга. Съемки программы «Кулинарная битва» и массовка для «Судебного процесса». Роли там тоже дают. Пойдешь?

– Куда я денусь? – пробурчала Марина.

– Что?

– Сколько платят, спрашиваю! – крикнула она.

– Пятьсот в «Битве» и от косаря в «Процессе»... а, нет: если массовка, то тоже пятьсот.

От штуки – это если роль какая.

– Когда кастинг? В четверг?

– В пятницу. Пойдешь?

В пятницу. А завтра только среда. Нужно как-то продержаться два дня. Не страшно, когда у тебя есть деньги, и катастрофа – когда их нет. Потому что нужно бегать по друзьям уже сейчас, проситься на ночлег. А потом еще добираться до жилья, если посчастливится найти...

А ей так не хотелось подниматься с места и выходить в промозглый сентябрьский вечер. В постель бы сейчас, да накрыться ватным одеялом...

– Марин, тетка скоро придет, – напомнила Лена. – Мне еще все убрать надо. Ну, ты понимаешь...

– Понимаю, – вздохнула Марина. – Денег одолжишь? Я вообще без копя.

Лена покопалась в ящике стола, вытащила расшитый бисером кошелек, открыла его и близоруко сощурилась, разглядывая содержимое.

– Блин, у меня тоже кот заплакал... – пожаловалась она. – Вот, держи, это все, что есть.

Марина осторожно расправила скомканные бумажки. Пятьсот рублей. И еще какая-то мелочь.

– Куда пойдешь? – поинтересовалась Лена.

– К Лешке, наверное. Скажу, что за гитарой, ну и... того. Останусь на ночь.

– Да? – многозначительно изумилась Ленка. – А вы с ним что, уже того?..

Марина криво ухмыльнулась.

– Ой, да ладно?! Ты и Лешка? Он же обезьяна немытая. И как он тебе?

Марина не ответила и пошла обуваться. Лена высилась над ней, как палач над приговоренным:

– Что, неужто правда? Ну, ты даешь... По пьяни, поди?

– Кто ж ему по трезвяни-то даст, – невнятно сказала Марина. – Но сейчас деваться некуда, пойду в гости. Ночевать ведь где-то надо.

– Но не с Лешкой же, – возмутилась Лена.

– А с кем?

– Ну... давай Нинке позвоним. У нее хата всегда свободная.

– Звонила я. Нинка в Питере. Укатила со своим...

При мысли о Питере в голове застучало, а в желудке завозилось придушенное гаденькое воспоминание: стерва Гайчук и бывший сосед Черский, так некстати уехавший в Питер...

И от этих мыслей в тесной прихожей Ленки внезапно сделалось невероятно жарко так, что кожа на запястьях и горле зачесалась и, казалось, покрылась жирными волдырями. Легкие вдруг наполнились жгучей обидой, а в глазах, и без того горящих лихорадкой, заворочались горькие слезы, прожигая внутренности серной кислотой. Скорей бы на воздух, проветрить мозги, отвлечься!

– Ну, пока, – весело сказала Ленка. – Позвони потом. И про кастинг не забудь.

Марина чмокнула ее в щеку и вышла из квартиры. Дверь захлопнулась с пушечным грохотом, лязгнул замок. Марина спустилась вниз и, выйдя из дома, обнаружила, что идет дождь.

– Только этого мне не хватало, – сказала она.

До дома своего приятеля Лешки Марина добралась уже около десяти вечера. Дождь прекратился, но тучи угрожающе шевелились над головой, грозя прорваться, как испорченная парусина. Раз – и в прореху льется вода, и беда всем, кто окажется внизу! Ветер поддувал в спину, швырял листву на землю и в морщащиеся от его напора лужи. Прохожие торопились домой, опустив головы и спрятав руки в карманы, стремясь скорее укрыться в спасительном тепле.

«Приду к Лехе, встану под горячий душ, а потом сразу под одеяло, – решила Марина. – Ну, а если он захочет... Фиг с ним, пусть пользуется, вдвоем даже теплее».

Мысль о том, что эту ночь она проведет с кем-то, пусть даже таким, как Леха, с вечно немытыми патлами, смолящим сигарету за сигаретой и истерично повизгивавшим над тупыми

американскими комедиями, вдруг взбодрила и подняла настроение. Потому она почти вприпрыжку добежала до Лехино дома и потянула на себя тяжелую дверь. На лестнице ей вдруг захотелось крикнуть ему что-то дурацкое, вроде: «А вы не ждали нас, а мы приперлися», и она рассмеялась во весь голос. Эху гулко отразилось от стен, посыпалось по ступенькам горохом.

Лехи не было дома.

Верить в это не хотелось. Марина несколько раз звонила, а потом даже пнула неподатливую дверь, но та осталась равнодушной. Зато что-то завозилось за соседской, и сварливый голос пролаял:

– Ну, чаво надоть? Щас милицию вызову! Пошли отседова!

Марина пнула дверь еще раз и, тяжело вздохнув, спустилась на один пролет, к окошку, где уселась на обшарпанный подоконник. Почему ей не пришлось в голову прежде позвонить?

– Потому что этот козел до десяти всегда дома, – зло ответила она себе и вытащила мобильный.

Гнев вскипел в ней, перелившись через край, как кофе в турке. Она как наяву увидела эту изящную турку – не то из Египта, не то из Эмиратов – на новенькой, сверкающей хромом кухне Черского, где она просиживала вечерами с робкой надеждой, что наследник олигарха обратит на нее чуть больше внимания. Черт побери, она ходила перед Егором полуголая, таскала ему мармелад, томно закатывала глаза и периодически раздражалась хрипловатым смехом, который считала интимным! Егор на голые бедра реагировал с вялым интересом, мармелад не ел, а услышав интимный смех, морщился. А потом в его доме появилась ногастая брюнетка в стильных квадратных очках и с татуировкой мантикоры, опоясывавшей руку, и визиты пришлось прекратить.

Что-то ее весь день сегодня тянет на воспоминания...

Она мотнула головой, как собака, отряхивавшая мокрую шерсть, стремясь избавиться от прилипчивых воспоминаний некогда вполне предсказуемой жизни. А затем позвонила Лехе. В конце концов, чего она так раскипятилась?

Леха долго не отвечал, и она уже хотела было отключиться, чтобы перезвонить позже, как вдруг в динамике возник его немного оглушенный голос, сопровождаемый странным ревом:

– Да?

– Леша, привет!

– Что?

– Привет, говорю. Это Марина.

– Что?

– Это Марина! – заорала она. – Привет!!!

– А, Маришка, привет. Тебя плохо слышно, тут полный атас... Как дела?

– Нормально! Я приехала к тебе за гитарой, а тебя нет. Ты скоро дома будешь?

– Что?

Нет, это становится невыносимым! За соседскими дверями зашелестело. Давешняя бабка наверняка подслушивала. Марина сползла с подоконника и побежала на улицу. Может, там лучше будет слышно?

– Говорю, приехала, а тебя нет. Ты где?

– А меня нет! – радостно сообщил Леха. – А что?

– А ты где?

– Я в Ярославле. У друга на свадьбе. Прикинь, к нему привели плюшевую стриптизершу.

– Кого? – не поняла Марина.

– Стриптизершу. Ну, такую, с надувными сиськами и мордой мисс Пигги. Ростовая кукла, короче. И она сейчас раздевается... Атас, это такая умора!.. А что?

– Ничего! – зло крикнула Марина. – Гитару хотела забрать. Она мне нужна. Ты ключи никому не оставлял?

– Ключи? Нет, они со мной. А за гитарой послезавтра приходи.

– Она мне сегодня нужна!

– Ну, надо было раньше забирать. Я же тебе говорил. Сейчас ничем помочь не могу.

Приходи в пятницу, а лучше в субботу...

Марина не дослушала и отключилась. Мысль, что Леха может вот так вот запросто умотать черт знает куда, даже в голову не могла ей прийти! Как он вообще посмел строить какие-то планы без оглядки на нее?!

«Ты эгоистка! – кричала мать в той, прошлой жизни. – Привыкла быть в семье единственным ребенком, знаешь, что все для тебя! А если бы вас было семеро? Привыкай жить в коллективе и уясни: ты не пуп земли!»

То, что она не пуп земли, казалось очень обидным...

Марина так и не научилась жить в коллективе и рассчитывать на семерых.

Когда они с Димкой снимали квартиру, она частенько оставляла его за порогом, развлекая в постели очередного Гиви или Ашота, и ей было все равно, что Димка ночует в подъезде или тащится наверх к Егору, где ребятам приходилось спать валетом на узком диване.

Когда Димка сделал карьеру, он почему-то не подчинился требованиям взять ее с собой в новую счастливую жизнь. Напротив, даже всячески этому противился...

Леха не вернется, так что сидеть на подоконнике было совершенно бессмысленно.

И куда теперь податься?

Она перебрала в памяти всех знакомых, с раздражением осознав, что тех, кто живет поблизости и может пустить ее на ночь, раз-два и обчелся.

«Пойду в клуб, – решила она. – В любой. Потрачу там последние деньги на входные, а там будь что будет. Может, кто угостит коктейлем, а нет – потусуюсь на диванчике до утра».

Марина снова спустилась в метро. До ближайшего клуба, где она часто бывала с подругами, было три остановки. Однажды она там даже выступила.

Притулившись на диванчике, обитом дермантином, Марина устало вытянула ноги. Кататься бы так всю ночь...

Вагон был почти пустым. Напротив сидела толстая баба с кошелкой, из которой торчали палки колбасы, багет и перья зеленого лука. Лицо бабы казалось неживым от смертельной усталости. Она, так же как Марина, блаженно вытянула ноги и навалилась на спинку в полном изнеможении. Рядом с бабой пристроился невнятный тип с мокрыми волосами и болезненным лицом. На Марину он поглядывал с интересом. Она же, отметив странный, восточный разрез неожиданно ярких, зеленых глаз, возмущенно отвернулась. Тип на миллионера не тянул. Его ботинки были разбитыми и грязными, штанины джинсов тоже украшали серые комья, грозящие вот-вот отвалиться. Когда Марина направилась к дверям вагона, тип последовал за ней. На выходе из метро она обернулась, снова поймав этот странный стеклянный взгляд...

По дороге к клубу она обернулась еще пару раз, но попутчика из метро не заметила. Марина перевела дух и свернула во двор. Так, если протиснуться через щель в заборе, путь получался более коротким.

Она не дошла до дверей всего несколько метров, когда что-то большое рвануло ее за плечо и притиснуло к стене. Глухо вскрикнув, она, совершенно ошалевшая от страха, увидела перед собой сверкающие зеленые глаза с восточным разрезом и руку, довольно грязную, с парой кровотокащих заусенцев на пальцах. Рука сжимала нож, прижимая лезвие к ее лицу.

– Будешь орать, на лоскуты порежу, – пригрозил насильник. – Поняла?

Она всхлипнула и затрясла головой, изобразив согласие. Скосив глаза на сверкающий клинок, она не сразу сообразила, что холодные пальцы лезут под юбку, сдирая с нее колготки и трусики. Он сладострастно дышал ей в ухо, прерываясь на леденящий, змеиный шепот:

– Моя сладкая... Моя сладкая...

Она не нашла в себе сил сопротивляться, даже когда пришла боль, не чувствуя содрогających толчков чужеродного организма, проникшего в нее с бесцеремонностью налетчика. Только в слезинках, катившихся по щекам, отражались фонари и блестящее лезвие ножа, которое он так и не убрал от ее лица...

Медленно, словно старуха, она поднялась с мокрого тротуара и вытерла грязной рукой лицо. Волосы слипшимися сосульками падали на глаза, закрывая обзор темной пеленой. Она провела ладонью и по ним, чувствуя кожей комочки грязи и колкую пыль штукатурки, осыпавшуюся со стены.

Замок на юбке был сломан. Она подтянула спущенные трусики, потом колготки с дырой на колене и поискала глазами сумочку. Сумка валялась рядом, нераскрытая, грязная. Похоже, ее недавнему знакомому содержимое кожаного баула было неинтересно. Марина сделала шаг и охнула. Разбитые колени обожгло болью. Проклятый каблук все-таки отвалился.

Внутри все горело, ломало судорогами, кожу саднило от царапин. В туфлях хлюпала вода. Лишь бы выйти на улицу, поближе к людям...

Она вышла на тротуар и похромала вперед, шарахаясь от прохожих, которые с легким удивлением смотрели на ее грязную куртку, сломанный каблук и порванные на коленях колготки. Марина смотрела на мир исподлобья и чувствовала себя омерзительно грязной, словно окунулась в какую-то слизь неопределенного происхождения. Как-то она смотрела космический блокбастер и визжала от ужаса при виде мерзкого инопланетного монстра, покрытого такой вот слизью. Режиссер не поскупился на спецэффекты, и к финалу главная героиня полностью была вымазана липкой серой пакостью. Теперь Марина понимала, как та себя чувствовала...

Улица, на которую она свернула, выглядела какой-то неухоженной, несмотря на обилие фонарей и неоновых реклам. Возможно, потому, что была загажена мусором, словно московские дворники решили устроить забастовку, а к тротуару притулилось сразу несколько машин, вокруг которых крутились сомнительные типы. Парни в спортивных костюмах крутили на пальцах ключи от своих четырехколесных друзей, перебрасываясь сальными шуточками. Марина притормозила, а потом и вовсе остановилась. Идти мимо них не хотелось. В памяти сразу возникали эти странные восточные глаза с зеленой радужкой, в которых плескались водяные драконы...

Она попятилась, растолкав группку девиц, одетых чрезвычайно легко для такого прохладного дня, и пошла назад.

В этот момент все вокруг пришло в движение!

Парни рванули к своим машинам и стартовали с места с диким визгом покрышек. Девушки в летних нарядах тоже заматались по тротуару, но как-то бестолково, словно курицы с отрубленными головами. Марина хромала прочь и на происходящее не обращала внимания.

– Эй, а ты куда? – послышался вдруг грубый голос, и чья-то сильная рука схватила ее за локоть. Кошмар выпрыгнул наружу из подсознания. Марина завизжала и принялась отчаянно отбиваться свободной рукой.

– Блин, Петрович, иди сюда, тут какая-то бешеная, – крикнул мужчина и без особого труда заломил Марине руки за спину. Что-то холодное лягнуло и сковало кисти. Марина вырвалась и бросилась прочь, но, пробежав два шага, споткнулась и что было силы врезалась головой в живот бегущему к ней милиционеру. Тот охнул и упал на тротуар, сложившись пополам и хватая ртом воздух.

– Ни фига себе! – восхитился тот, кто надел на Марину наручники. – Это ж не девка, а какой-то Джеки Чан! Петрович, ты живой? Она в тебе дыру не пробилла?

– Чего ржешь? – огрызнулся Петрович. – Пакуй ее. Обдолбанная, поди.

– Будет сделано, – отрапортовал милиционер, в его исполнении это прозвучало как «бусделано». Он поднял с земли сперва Петровича, а потом отчаянно брыкавшуюся Марину и потащил ее к автобусу, где уже томились девушки в летнем.

– Да не туда, – просипел Петрович. – К нам в машину ее. Еще не хватало, чтобы она там шалав этих перекусала. Потом объяснительных не оберешься.

– Да, давай ей кляп вставим и в кандалы закуем, – весело предложил милиционер.

Петрович пробурчал что-то непечатное и направился к автобусу.

Милиционер ловко запихал трясущуюся Марину в «газик» и захлопнул тяжелую дверь.

Внутри было тепло, пахло бензином, мочой и застарелым, въевшимся в стены ароматом немытого тела и пота. Марина скорчилась на неудобном сиденьи, вжавшись в стену. Руки за спиной свело судорогой, и она всхлипнула.

Выполнившие служебный долг милиционеры вернулись в машину и, мельком взглянув на свою пассажирку, тронулись с места, болтая о чем-то своем. Сквозь маленькое мутное стекло их было почти не слышно, но отдаленный рокот голосов и приглушенный смех показались Марине зловещими. Она заплакала и плакала всю дорогу, пока машина не остановилась, а в открытую дверь не ворвался холодный ветер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.